

MINI.CITID

Улугбек ЕСДАУЛЕТ, поэт

ТАЙНА ПЕСНИ «СЕН СҰЛУ»

Много лет назад, слушая по радио эту запавшую в душу песню, я спросил у известного поэта Саги Жиенбаева:

– Правда ли, что стихи «Ты самая красивая», легшие в основу этой одноименной прекрасной песни Шамши Калдаякова, написаны не Максутбеком Майшекиным, а Магжаном Жумабаевым?

– Можно сказать «да», можно и «нет». Да, на самом деле у Магжана есть такие замечательные стихи. Однако нельзя утверждать, что Максутбек аксакал списал или присвоил их. Майшекин, взяв у поэта основную идею и образы, поджал текст, изменил количество слогов, сделав их созвучными, подходящими под мелодию, словом, переписал их заново. В оригинале, у Магжана, одна строка состоит из одиннадцати слогов, а у Майшекина «Ты самая красивая» – из восьмисложных строк. Не веришь – сопоставь. Хотя его сочинение о том же, что и у Жумабаева, однако – это другие стихи.

– Все равно это повтор. Настоящая кража, плагиат. Это всего лишь тень тех стихов, вторичный вариант. Да, плагиатор он. Неужели не боится, что кража обнаружится? За присвоение трудов безвинно расстрелянных поэтов надо уничтожать! – выпалил я разгоряченный.

– Ты слишком суров. Так можешь всех казахских поэтов, как говорится, пустить «под откос». Так-так... Безобразие, – улыбнулся мягко Саке, переводя наш разговор в шутку.

– Но что получится, если действуя по принципу «Нет человека, нет права на интеллектуальную собственность», кто-то из нас присвоит «Сыр сандык» («Таинственный сундук») Сакена, или «Кулагер» Ильяса? Куда же смотрят наши прозорливые критики, обычно ищущие грязь под ногтями?

– Никто не может защитить интересы неоправданного судом человека. Во-вторых, общепринято: «Заранее оповещенная кража не считается таковой». Легко со стороны обвинить, за глаза осудить кого-то. Майшекин – не сильный стихотворец, возможно, вообще не поэт, но был хорошим человеком. Я знал его. Он многие годы возглавлял музыкальную редакцию Казахского радио. Неизменно заявлял во всеуслышание: «Это знаменитые стихи Магжана. Если еще и не оправдали самого Магжана, то пусть хотя бы народ поет его песни. С

такой мыслью я заново переписал их специально для композитора Шамши Калдаякова. Когда оправдают поэта, то все объясню и верну ему стихи». Этот интеллигентный человек был глубоко убежден, что такой день настанет. Помнится, он говорил: «В конце концов, Магжан будет реабилитирован». И хотя в каждом сборнике казахских песен можно прочесть под заголовком «Ты самая прекрасная» «Слова М. Майшекина», все знали, в том числе и КГБ, что это замечательное произведение написано на стихи Магжана. Ситуация такая. У нас на имя репрессированного человека – табу. Фамилия таких людей в «черном» списке ЛИТО. Где-нибудь она появится – тут же ее вычеркнут. Если с годами изменится строй, то и Магжан сможет вернуться. Я не вижу в нашем случае «кражу». Все идет от доброго намерения. Мне кажется, что воровали слова и мысли у поэта другие лица – сильные мира сего. Именно они всячески против его реабилитации. Иначе, кому поэт нанес урон, кому перебежал дорогу? – заключил с виноватой улыбкой Саги агай.

С того дня изменилось мое мнение о Максутбеке Майшекине, к тому времени покинувшем суетный мир земной. Прежде я съезживался при произношении его имени. Прочитав небольшую книгу почтенного аксакала о песенном творчестве и певцах, проникся уважением к его столь искреннему и трепетному отношению к искусству в частности, к творчеству в целом.

ГДЕ ОНО, «ЭХО» МАГЖАНА?

– Поистине и до и после Абая не было лирика, равного Магжану! Ты послушай его, – вдохновенно произнес Саги агай и стал читать неизвестные мне стихи.

Буквально каждая строка была образным рядом, наполненная лиризмом. Перед взором хрустальная нега. Путник в горах. Лунная ночь. Подернутые легкой дымкой горные склоны. Цокот копыт. Эхо. Одиночество. Путник обращается к Эхо:

«Умру ли я, – спросил, – бродяжничая, нелепо?»

«Сгинешь, точно!» – ответило Эхо.

Глубоким, как и горное ущелье, унынием охвачено все вокруг. В воздухе томительное состояние, разделяющее скуку и разочарование. Здесь – жизнь, истина, принципы и другие земные понятия, в этот миг потерявшие подлинную суть, обманчивые как сон, превращаются в эхо. И весь этот вербально-визуальный ряд усилен мастерским подтекстом. Привычные ясные определения тут бессильны передать содержание,

всю гамму красок этой полноцветной картины в стихах. Многократным эхом прогремел безжалостный вердикт судьбы: «Сгинешь!...».

«Это стихотворение Магжана Жумабаева «Эхо», – сказал Саги агай.

Стихи очаровали меня. Такой я представлял подлинную классику. Вся образно-вербальная галерея, созданная богатым слогом и талантливым воображением творца, перед глазами. По сей день фрагменты той лунной магжановской ночи в горах нет-нет да вновь и вновь всплывают перед моим взором. Тогда, много лет назад, я подумал, что наверняка это произведение лучшее в его творчестве. Захотелось написать такое же стихотворение.

...Я, будучи мальчишкой, впервые встретил имя Магжана в произведениях Сакена Сейфуллина и Сабита Муканова. Чуть позже, прочитав его стихи, приведенные в качестве объекта критики в книге Абдильды Тажибаева «Жизнь и поэзия», но не понял в чем их несовершенство. «Почему критикуют такие хорошие стихи», – ломал я свою еще неокрепшую голову. Где бы ни читал о Магжане, – повсюду критика и осуждение. Так, с первых шагов по избранной мною стезе во мне пробудился нескончаемый интерес к стихам Магжана Жумабаева. К тому же, как говорится, «запретный плод сладок». Поскольку тогда его произведения были не доступны, стихи поэта представлялись мне неким особым, чарующим, таинственным миром.

В начале семидесятых годов, будучи студентом первого курса, закрыв дверь на крючок на съемной квартире поэта Несипбека Айтова, я тайком от чужих глаз прочитал залпом целый цикл магжановских стихов.

«Взял у профессора Нургали Рымгалиева», – опасливо шептал мне тогда на ухо Несипбек.

На одном дыхании прочитав пронизанные лирикой стихи – «Жұлдызды жүзік, айды алқа қып берейін» («Звездное кольцо, лунную подвеску подарю»), «Сүй, жан сәулем» («Целуй, лучик мой») «Гүлсімге» («К Гульсум») и другие, мы пытались их анализировать.

«Нет слов, прекрасные стихи, красивые чувства, выплеснутые в них», «Великолепно! Какое величие и сила слова», «В манере изложения отдельных стихов ощущается символизм. Лидер своей эпохи». «Созвучные нашему времени, как будто написаны вчера», «Как бы устаревшая внешняя форма? Некоторые рифмы слабоваты... Конечно, техника стихосложения тоже меняется», «В этом стихотворении нет ничего такого против партии и правительства. Почему запретили его публикацию?», «Для этого, в первую очередь, поэт должен быть реабилитирован». «Говорили же, что у него есть националистические,

пантюркистские стихи, можно было их отложить, напечатать его «безвредные» вещи». «Русские уже давно оправдали Бунина, Бальмонта, выступавших против Советской власти и покинувших страну, а также других, схожих судьбой с Магжаном, поэтов. Конечно, прежде была дана убедительная оценка их мировоззренческим ошибкам, идейно-политическим заблуждениям. И у нас могли бы так сделать. Разве не все «враги народа» давно оправданы?». Наши мнения не переходили дальше этих восторженно-наивных слов.

В то время, если честно, я, очарованный прекрасными стихами Тулегена Айбергенова, никого не ставил вровень с ним. На произведения других поэтов смотрел через призму айбергеновской поэзии.

Очевидно, поэтому у меня не было возможности более полного погружения в магию магжановского стиха, и я не оказался среди тех, кто страстно увлекся им, искал каждую строчку о нем, каждое его стихотворение.

Однажды в алматинской столовой, прозванной «Шахтой», я увидел навеселе Мукагали Макатаева. Его смолисто поблескивающие длинные волосы стекали на плечи, закрыв глаза, растопырив пальцы, он, ожесточенно рассекая воздух руками, громко произносил: «Баюкай, смерть, и меня, смерть, убаюкай, убаюкай!». Я думал, это его стихи. К тому же вспомнил: неделями ранее как-то на одной встрече он говорил, что чувствует приближение смерти. Позже узнал, что услышанные в «Шахте» стихи оказались Магжана.

В те годы в Союз писателей часто заходила женщина в годах, приятной внешности, с едва заметной паутинкой мелких морщин вокруг ее иссиня-черных глаз, всегда одетая, как популярные в те годы индийские киногероини. Только она в отличие от звезд Болливуда была в белом платке.

– Кто такая? – однажды поинтересовался я у поэта Дуйсенбека Канатбаева.

– Жена Магжана. Злиха апай, – услышал в ответ.

– Жена Магжана? Разве она жива?

– Еще как! Столько лет обивает пороги всевозможных кабинетов, добиваясь восстановления честного имени мужа. Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов и Мурат Ауэзов всячески поддерживают, навещают ее.

Я же ее принял за одну из наших поэтесс уровня Мариям апай Хакимжановой. Впечатленный услышанным, с украдкой провожал

глазами эту красивую женщину, будто встретил в ее лице самую таинственную историю.

Чуть позже работавший в то время в издательстве «Казахстан» критик Куанбек Бокаев, не скупясь на похвалу, представил меня своему старшему коллеге Галыму Мухамеджанову. Аксакал, до конца выслушав хвалебную тираду, сказал мне:

– Если ты – поэт, то пиши, как Магжан!

И тут же по памяти прочитал неизвестные мне стихи Жумабаева о природе, о зимней дороге. И надо было услышать такие замечательные строки, чтобы почувствовать в душной комнате морозное дыхание заснеженной степи и увидеть высвеченную серебряными мазками картину казахского Севера, буквально возникшую перед глазами. И при этом в каждом изящном слогe ощущался ее национальный колорит.

«В этом столетии еще не родился поэт, равный Магжану. А эти стихи запомнились мне с детских лет», – сказал тогда аксакал.

Когда я спросил, где можно найти книгу великого поэта, то услышал, что она была у покойного Кайнеке Жармагамбетова, но после его смерти кто-то «сделал ей ноги». Книга есть у Габита Мусрепова, но как ты у него попросишь? Стихи Магжана в последние годы, оказывается, издали в Турции, рассказал мне Галым-аксакал.

В день смерти признанного мастера слова Габита Мусрепова писатель Жайсанбек Молдагалиев сказал мне: «Нужна помощь по делам старика» и повел за собой. Правда, там не особо нуждались в моей помощи. Народу и без нас было немало. Возвращаясь домой на ночном трамвае, я неожиданно встревожился за книгу Магжана, что была в личной библиотеке Габита. Как и книгу Кайнекея, уведет какой-нибудь посторонний. Кто бы ни был, лишь бы понимающий цену таким стихам, думалось мне. При этом я почему-то был уверен, что эту бесценную книгу когда-нибудь переиздадут, и она снова увидит свет.

Позже услышанное от Саги агай «Эхо» особенно понравилось мне. Я будто сделал большое открытие. Почувствовал, что прикоснулся к настоящему шедевру. Эти стихи, затаившиеся в уголке моего сердца, нет-нет да напоминали мне о себе. Благодаря им я искренне заужавал Жумабаева и страстно увлекся его поэзией.

В семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века было легче найти стихи наставников и современников Магжана в русской, европейской поэзии, чем его собственные. Я так и поступил... В библиотеке сначала определился с произведениями многих символистов. В них я увидел

Магжана и в особенности его школу и стиль. Обратил внимание и на акмеистов, имажинистов и футуристов. Чуть позже познакомился с произведениями основоположников этих литературных течений – Артюра Рембо, Поля Верлена, Шарля Бодлера и других.

В итоге, находя различные пути и возможности, выпрашивая и покупая книги у самых разных людей, мне удалось, когда с полным погружением, когда урывками, прочитать «Ақсақ Темірдің жолы» («Путь хромого Тимура»), «Шолпы» («Монисто»), «Күншығыс» («Восток»), «Пайғамбар» («Пророк»), «Қойлыбайдың қобызы» («Кобыз Койлыбая»), «Батыр Баян» и другие его произведения. Таким образом, я все больше узнавал этого большого поэта. К этому времени стало понятно всем, что отечественная поэзия не полноценна без произведений Магжана.

В 1988 году, будучи секретарем правления Союза писателей Казахстана, я участвовал в закрытой по формату встрече с чекистами в кабинете нашего руководителя Олжаса Сулейменова. Туда были приглашены всего несколько секретарей и членов правления СП Казахстана. Заместитель председателя Комитета государственной безопасности республики генерал Сапар Абдрахманов привел с собой начальников управления своего ведомства. Основная тема: жертвы репрессий и «белые пятна» в нашей истории. Представители КГБ ответили на заранее подготовленные нами вопросы, в которых шла речь о необходимости реабилитации многих замечательных казахских литераторов, духовных вождей нашей нации. На вопрос: «Почему КГБ выступает против возвращения честного имени Магжана и других достойных поэтов? Ведь эти невинные люди и так перенесли незаслуженные наказания?» генерал Абдрахманов ответил:

– Вы напрасно обвиняете Комитет государственной безопасности. Не мы против их оправдания, а некоторые ваши писатели. Вот выписка из заключения Государственной комиссией по рассмотрению произведений Магжана Жумабаева. Мы руководствуемся ею. В ней черным по белому написано: «Пока существует Советская власть, нельзя реабилитировать произведения Магжана Жумабаева». В конце подпись председателя комиссии поэта Абдильды Тажибаева. Вот взгляните, если сомневаетесь, – сказал генерал и показал нам данный документ.

Передавая выписку друг другу, рассматривая ее буквально со всех сторон, мы распрощались со своими сомнениями. На важном документе стояла столь знакомая всем подпись Абеке. Это было неожиданно! Не зная, что сказать, мы просто молчали. От стыда готовы были провалиться сквозь землю. Это был тот самый случай, о котором говорится в известной пословице: «Не руби сук, на котором сидишь». Похоже, о ней забыл председатель комиссии.

– Если будет создана такая же государственная комиссия, и она оправдает произведения достойных людей, то мы не против их реабилитации, – заключил генерал.

Именно в те дни группа молодежи подняла вопросы реабилитации лучших представителей нации и придания казахскому языку статуса государственного. С разрешения нашего руководителя Олжаса Сулейменова мы провели резонансные вечера. Первый был под девизом «В памяти нашей – невинные братья», чуть позже организовали не менее важную акцию под названием «Экология культуры».

Но во время отъезда Олжеке за рубеж секретари правления Союза Писателей Казахстана, все кроме К. Турсункулова, заставили нас порвать постеры, объявления, так запрещая проведение вечера «В памяти нашей – невинные братья». Сначала каждый из них персонально и строго переговорил со мной, молодым беспартийным секретарем, затем меня вызвали в кабинет второго секретаря. И там, как говорится, всем скопом набросились на меня, пытаясь добиться моего отказа. «Хочешь сделать второй Желтоксан? Постоянно устраиваешь подобные шумихи, чтобы выпятить собственное имя, занимаешься саморекламой! Союз писателей уже заполонили кэзгэбэшники. Дом творческого союза не место для митингов. Если хоть чуточку будет нарушен общественный порядок, уволим с работы. Устали терпеть тебя...», – раздавались такие угрозы. Но я все равно не сдался. К нашему счастью, вернулся из зарубежной командировки Олжас ага. Он разрешил провести вечер. «Если взволнованную молодежь мы не пустим в зал Союза, то она проведет акцию на улице. Вот тогда может случиться второй Желтоксан», – сказал он на секретариате.

В зале заседаний Союза писателей яблоку негде было упасть. На вечер пришли дети, внуки и даже правнуки репрессированных. Обещавший открыть вечер Альжаппар Абишев, испугавшись неизвестно чего, отказался выступать. Выручил Сафуан агай Шаймерденов, произнесший памятную речь. Акция проходила очень эмоционально. На вечере мы впервые увидели фотографии и документы безвинных жертв репрессий. Один за другим выступали их родственники и близкие. Здесь же было принято обращение к Бюро ЦК Коммунистической партии Казахстана с требованием оправдать невинно пострадавших, восстановить доброе имя честных людей. Запомнился и такой случай. Кто-то украл редкую фотографию Ахмета Байтурсынова, принесенную в зал его дочерью. Надо было видеть ее огорчение и слезы из-за утраты дорогой семейной реликвии.

Несмотря на все преграды и трудности в проведении данной акции, она (по свидетельству заведующего сектором ЦК Компартии Казахстана С.

Каскабасова) положительно повлияла на ускоренное принятие постановления о реабилитации лучших представителей нашего народа.

Вскоре при самом активном участии секретаря Центрального комитета Компартии Казахстана Узбекали Жанибекова вышло долгожданное постановление о восстановлении честного имени Магжана и других. В итоге само время оправдало достойных представителей казахской нации, поскольку, как говорил Саги агай, стрелки часов наступающей эры сдвинулись к вечным истинам.

Как-то в Алматы мы организовали Дни журнала «Литературная учеба» и вместе с другими пригласили к участию в них талантливого московского поэта А. Парщикова, признанного в восьмидесятих годах лидером «новой волны», позже уехавшего и умершего в Америке. Он был для нас ценен как переводчик произведений Магжана Жумабаева. Его стихи в переложении А. Парщикова были опубликованы в московских журналах. Наш столичный представитель, писатель Роллан Сейсенбаев, делал подстрочник, помогал Парщикову в процессе художественного перевода. Роллан также объяснял ему те или иные повороты в многотрудной судьбе Магжана. Гостей мы разместили в Доме творчества Союза писателей, где в то же время жили жена Жумабаева Злиха апай и дочь Улжан. К ней, Злихе апай, к тому времени заметно состарившейся, но чувствовавшей себя счастливой, я и повел первого и единственного переводчика Магжана, поэта Алексея Парщикова и познакомил их...

Апай очень обрадовалась. Она, оказывается, уже нашла и прочитала на русском стихи супруга в переводе Алексея. Наш московский друг вернулся с этой встречи сильно взволнованный.

Вечером в Доме творчества, в честь русского переводчика Магжана, я организовал небольшое застолье, пригласив туда Жуматая, Габидену, Аманхана и других поэтов. Правда, не смогла прийти Злиха апай, отправив вместо себя дочь. Посидели хорошо, было шумно и весело. Наши поэты удивили гостя. Жуматай Жакыпбаев прочитал свои стихи, написанные им на русском языке. Аманхан Алим разразился лекцией о русско-еврейских взаимоотношениях. Парщиков спросил о Гульнар Салыкбаевой. Мы, перебивая друг друга, стали ее расхваливать.

До этого во время поездки в Москву я дал Алексею на перевод подстрочники стихов Гульнар Салыкбаевой. Оказывается, они ему очень понравились: «У нас сегодня нет таких поэтов. Она не похожа на других. Такое ощущение, будто читаю стихи новой Цветаевой. Даже это не Цветаева, а другая новая Вселенная. Читая ее, захотелось самому писать стихи. Будет возможность, переведу ее на русский», – восторженно

отозвался о ней гость. Однако вскоре он уехал за океан, и судьба переводов Гульнар осталась неизвестной.

В 1993 году в Анталии на Всемирном курултае тюркских народов я познакомился с магжановедом, переводчиком, турецким поэтом Фархатом Тамыром. Были с ним встречи и позже. На одной из них некий ногайский демократ, у которого слова опережали мысли, безапелляционно брякнул: «У казахов нет батыров. Все батыры, которых они считают своими, на самом деле, ногайские батыры. Казахи присвоили наших героев». Тут же нашелся Фархат Тамыр: «Если у вас героев больше, чем у казахов, то почему у вас так мало земли?» – так одним вопросом он заставил замолкнуть демократа. Фархат чисто говорил на казахском языке. Через произведения Магжана, по признанию Тамыра, он был влюблен во все казахское.

После смерти Злихи апай несколько лет я работал с ее дочерью, журналисткой Улжан Жумабаевой, в нашем Министерстве иностранных дел. В 1996 году я привез ей книгу Магжана на турецком языке с автографом Фархата Тамыра.

В тот год, участвуя в мушайре, республиканском состязании акынов, посвященном Магжану Жумабаеву, я удостоился Гран-при. И я хотя не имею прямого родственного отношения к Магжану, иногда кажется, что в душе я связан с ним. У великих людей, похоже, свои магниты. И у каждого свой Магжан.

...Вот и сегодня, спустя двадцать лет, вспомнилось впервые услышанное из уст Саги агай стихотворение «Эхо». Как жаль, что всего две строчки! Остальные позабыты. А тогда, откуда взял их Саги Жиенбаев? В свое время надо было спросить подробнее. Сегодня не у кого узнать, поэта нет в живых. Кто думал, что он так неожиданно покинет эту бренную землю? Возможно, в архивах Саги агай найдется копия этого стихотворения?

Про себя повторяю то, что осталось в памяти:

«Умру ли я, – спросил,

– бродяжничая, нелепо?»

«Сгинешь, точно!» – ответило Эхо.

Полный текст не известен. Тогда, казалось, что такое не выветрится из памяти. Почему же не переписал целиком? Как жаль!

И даже эти сохранившиеся строки равны дастану. Поистине, как говорят, вкус моря в его брызгах! Настоящие осколки шедевра. И радуют слух, и согревают душу.

Стихотворение «Жаңғырық», возможно, было опубликовано в сборниках, еще при жизни поэта, однако не найти его ни в одной из книг, изданных после его смерти. Порой видится зияющая дыра вместо стиха. Нигде не встречал ссылку на это произведение, не знаю и тех филологов, кто бы искал его. Расспрашивал и магжановедов, никто не знает. Иногда я думаю, почему бы не включить эти две строчки, оставшиеся от «Жаңғырық», в книгу. Потом, если что, пополним, добавим еще...